

РОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛ-МАКСИМАЛИЗМ И ЕВРАЗИЙСТВО

I

Охотно откликаюсь на предложение Редакции Евразийских Сборников — ознакомить их читателей с основными линиями Российского Национал-Максимализма. Легче всего было-бы, конечно, просто изложить наши идеологические программные построения — читатели сами сделали-бы соответствующие выводы. К сожалению, средоточие такого матерьяла вывело бы статью далеко за пределы нескольких сборников — поэтому приходится остановиться на самой нежелательной форме „программы-минимум“: на том, чем одно течение отличается от другого. Такая форма всегда опасна: очень уж легко пишущему поддаться соблазну „идеологического оформления“ второстепенных разногласий; очень уж легко читающему поддаться соблазну „полемиического восприятия“ прочитанных положений. В результате „акцент“ может оказаться поставленным на разномыслии, тогда как задуман очерк как раз для закрепления несомненно существующего во многом единомыслия.

Я надеюсь, что эти „соблазны“ будут с обеих сторон преодолены. Ведь к счастью и Евразийство и Российский Национал-Максимализм еще находятся в стадии становления, еще не успели окостенеть; развиваются они диалектически — расхождения данного момента могут исчезнуть в следующем этапе; такое положение выводит обе стороны за пределы узкого догматизма, открывает большую, чем в до-революционных группировках, возможность свободы суждений.

Я не написал бы этих заметок, если-бы не был заранее уверен в прочности наших „родственных связей“ — в том, что Евразийцы, с которыми мы совместно, плечо-к-плечу, наступаем на едином фронте, — воспримут наши мысли не как критику извне, а как — своего рода самокритику.

II

Для упрощения изложения мне придется остановиться на следующей, несколько примитивной схеме: а) процессы духовно-религиозные; б) процессы идеологические; в) процессы социально-политические.

Должен признаться, что многие из наших сочленов (особенно из числа внутри-российских) пришли к Национал-Максимализму в обратном порядке — начав с притяия нашей политико-социальной программы (эмоциональная отправная точка: **н а ц и о н а л - б о л ь ш е в и з м**); прияв и осознав программу — поняли и восприняли идеологию; некоторые пошли дальше — и, углубив внутренне идеологию, — пришли к исповеданию абсолютных ее истоков: российского мессианского призвания.

Есть среди нас немало людей, которых вопросы духовно-религиозного порядка просто пока еще не особенно интересуют: они целиком поглощены реальной политической работой. Для них вполне достаточно того, что они верят в Бога, утверждают первенство идей над интересами и до конца отвергают воинствующий материализм; их привлекают больше практические выводы, нежели исходные точки. Таких своих сочленов мы отнюдь не склонны считать „Российскими Национал-Максималистами второго сорта“; в современных условиях силы нужны на разных участках фронта; всякий должен работать в той области, к которой у него есть склонность.

Для нас не так важно, с какой стороны человек подошел к нам — ибо каждый человек восходит к Истине своими собственными путями; существенно, чтобы, приняв Идею — он сумел в своей душе „всё расставить по своим местам“: установить правильную иерархию ценностей. Остальное приложится.

Эта основная иерархия ценностей для нас всех ясна и бесспорна: духовное начало стоит на первом месте.

С него и начну свое краткое изложение.

III

Из письма в Россию от 8-го января 1924 г.:

„... Каждый народ, независимо от той исторической ступени, на которой он в данную минуту находится, — метафизически уже существует, как „народ перед Лицом Божиим“ — т. е. в совокупности всех ушедших и грядущих поколений, в слитности всей своей духовно-исторической судьбы. Естественно, что в таком плане „народ“ не поддается научному познанию — его можно только почувствовать, познать метафизически, духовно. Дар пророчества — вот высшая форма такого духовного познания: приобщение смертного к Божьему предвидению.

Возможны и другие формы метафизического познания духовных путей своего народа: чаще всего они познаются в процессе творчества. Теперь уже перестали спорить о том, индивидуально оно или коллективно, творит-ли художник и писатель — или весь народ: для огромного большинства стало ясно, что творит именно весь народ — и не эмпирический народ, а — „народный гений“, „народ перед Лицом Божиим“. Носители Искры Божией на земле — люди творчества — только „антенна и рупор“, почувствовавшие еще не всем доступное, выразившие для всех — дотоле еще невыразимое: великие национальные мыслители и провидцы, философы и отшельники, поэты и святые. Но иногда в исключительные, поворотные эпохи истории — не только „отдельные брызги“, но и целые волны моря народного становятся на мгновение способными смутно почувствовать свое высшее задание — и потом, хотя и бессознательно, осуществлять в жизни его проекцию: свою национально-историческую миссию.

Перед лицом России „в грозе и буре“ блеснула ее Идея. Откровение куплено морями крови, миллионами жертв. Оно не дошло еще до глубины народного сознания. Зрительное впечатление недолговечно... Задача истинного Идеоправства: не дать погаснуть возженному Богом светильнику...“

... Мировые судьбы России давно предстояли перед духовным

взором наших провидцев и мыслителей. Идея особой миссии („миссианизм“) огненной нитью проходит через историю русской мысли — а в наиболее ярких и вдохновенных творениях воспринимается, как мессианское задание: Конст. Аксаков — и Блок, Вл. Соловьев — и Леонтьев, инок Филофей — и Тютчев, Гоголь — и Бердяев, Данилевский — и Бакунин, Федоров — и Достоевский...

Все они, в разное время, разной форме и степени провидели постановку и разрешение именно в России тех вопросов мирового значения, которые ныне являются духовным узлом всей современной проблематики. Многие из них указали нам основные магистрали, ведущие к далекому маяку. В свое время их не поняли, не послушали; забрели в тупики. Но отклонение от свыше заданных путей карается тяжело: чем дальше оттягивается в сторону пружина — тем резче выпрямляет она в подходящий момент искривленную линию национально-исторического развития.

Пойти ныне в указанном направлении — значит избавить впредь российские народы от страшных бедствий, уже однажды (и заслуженно) обрушившихся на Россию.

IV

В двадцатых годах, вне всякой „физической“ между собой связи — в эмиграции возникло несколько малых очагов, состоявших из людей, что-то почувствовавших, стремившихся почувствованное осознать, осознанное — претворить в действие; людей, вдруг понявших смысл забытых давних пророчеств. Это были прежде всего в Харбине — Устряловцы, в Софии — Евразийцы, в Берлине — Национал-Большевики (Национал-Максималисты), в Париже — „нео-народники“. — „Ощущение“ было одно-и-то-же, осознание — родственное, выводы — иногда различные... Различна оказалась пока и судьба: при известной „равноценности“ в момент зарождения — одни впоследствии оказались вышедшими на широкую дорогу; другие — сошедшими с нее; третьи — все еще пробиваются, с трудом преодолевая пути эмигрантского быта (Р. Н. М.—ты). В особо-благоприятных условиях оказалось Евразийство: ему одному до сих пор удалось разработать и сделать достоянием гласности стройную, прекрасно-обоснованную систему идей. Может быть, впрочем, несколько одностороннюю.

Мне думается: каждое из этих течений обладает только частью (большой или меньшей) истинной российской идеологии; распределение многих деятелей среди них иногда случайно — и зависит часто от причин „географического“ свойства; сложились эти группы тоже пока еще „на черно“; много им предстоит пережить отколов, расколов, соединений — много всяческих „переделов“; но все они — предтечи единого грядущего всероссийского движения — того, которому принадлежит завтрашний день. По существу не важно (разве что для отдельных честолюбцев), — чья „лошадь первой придет к столбу“ — под каким наименованием восторжествует общий для всех этих течений комплекс идей.

Творчество каждой группы есть работа на общее дело. Замкнутое (разобщенное) существование, необходимое в известный этап („самоутверждение“) — должно быть впоследствии преодолено („самоотречение — для утверждения Истины“).

Одной из попыток расшатать уже ненужные перегородки и являются настоящие заметки.

Какую-же волну уловили „малые антенны“ Харбина и Парижа, Берлина и Софии? Как воспринимали они историческую миссию Российского Государства? Как проверяли они свои пути — по „тени, прошлым отброшенной вперед“?

Российские Национал-Максималисты склонны так формулировать комплекс идей, который, по их мнению, должен лечь в основу новых, по-революционных, идеологий:

1. Вера в первичность (примат) Духовного Начала. Воля к преодолению материализма.
2. Стремление к обоснованию жизни — общественной, государственной, всечеловеческой — на началах христианской правды.
3. Утверждение великой ценности над-национальной российской культуры, ее религиозной основы, особых путей ее развития — и направляющего в ней значения культуры православно-русской.
4. Россия — страна Веры и Труда. Защита всех угнетенных — ее историческая миссия.

Думаю, что этот „комплекс“ будет в наименьшей степени воспринят Устряловцами, в наибольшей — нами и Евразийцами.

VI

Нам кажется, что в Евразийстве, как системе идей, — был дан может быть, слишком большой перевес евразийству, как такому — т. е. географическому обоснованию, теории „месторазвития“. В Евразийстве благодаря этому остался привкус — если не непреодоленного материализма, то близкого ему натурализма: иногда кажется, что для Евразийства не духовный, а материальный момент (география) предопределяет пути России; что культура для него — некая „надстройка“ над географией, известная „эманация“ народа, а не проекция культа на народное сознание. Я бы очень не хотел, чтобы евразийцы приняли подобную стилизацию за наше о них мнение: повторяю, здесь нарочито подчеркнут только оттенок, ставший, тем не менее, все-же характерным для всего движения. Я сознательно не привожу цитат (на цитаты можно всегда ответить цитатами); я указываю только на некую тенденцию.

Для нас момент борьбы леса со степью, Востока с Западом, Европы с Азией — имеет вторичное, производное значение. Здесь, конечно, все дело в ударениях, ибо мы так же, как и евразийцы, признаем безусловную связь между культурами и их географическим месторазвитием — но зависимость склонны устанавливать обратную. Мы думаем, что когда разбросанные по миру народности, еще не слитые в семьи, оказывались в древности разделенными большими пространствами (и развивались в чуждых их духу географических условиях) — в недрах народного подсознания зарождались те исторические ритмы, которые бросали народы в великие переселения, в завоевания, в бессознательные поиски еще не обретенных (физически), созвучных по строю души, народов.*) Мы не ставим в зависимость

*) Ибо на этой ступени физически еще не были слиты национальности, метафизически уже вошедшие в одну семью — в единый синтетический „народ перед Лицом Божиим“. Ю. Ш.

нематериальное от материального, высшее от низшего, сродство культур — от общности месторазвития; по нашему мнению — зависимость обратная: каждый народ бессознательно ищет и в конце концов обретает для расселения (освоения) природу, близкую его бессмертной душе; только в таком разрезе и возможно рассматривать несомненно существующую связь между культурами и их географическим обрамлением.

Для нас в центре стоят процессы духовные — Российскую национально-историческую миссию мы в пределе ощущаем как мессианское задание.

Однако, мы вполне отдаем себе отчет в том, что на этом пути лежит опасность гордыни. Надо как-то отказаться от себя, чтобы жить для других. Но чтобы отказаться от себя — нужно, чтобы было от чего отказываться: самоотречению должен предшествовать этап самоосознания и самоутверждения.

„Через самоутверждение к самоотречению — для утверждения Истины“ — такова основная формула Российских Национал-Максималистов.

Поэтому, предвидя в будущем этап российского религиозного самоутверждения — они считают долгом заявить, что далеки от понимания миссианства (миссионерства), как агрессивного стремления навязать другим свое понимание Истины. Они признают за каждым народом право считать истинным избранный им путь к Богу. Из этого права Р. Н. М-ты выводят и свое право считать для русского народа Православие единственно-правильным путем и хранилищем абсолютной Истины.

Явный для всего мира пример жертвенного служения Богу и человечеству — таков единственный путь утверждения истинности Православия, таков только и может быть характер Православного Мессианства.

Мы конечно далеки от мысли как-то „подавить“ Православием другие российские религии, а российской (синтетической) культурой — „поработить“ самостоятельность питающих ее национальных культур.

Редакционная комиссия по выработке „формулировки 1928 года“ идеологии Российского Национал-Максимализма высказалась по этому вопросу так:

„... Для семьи народов Государства Российского характерно (не случайно) сродство их культур, образующих семью культур. Но культура — проекция культа (религии) на народное сознание; основа каждой культуры — религиозна. Семья культур народов Государства Российского — есть проекция семьи культов, семьи религий. И как во всякой семье народов один из них является определяющим данную группу, как одна из культур является наиболее характерной для данной семьи культур — так и одна из религий является с наибольшей полнотой воплощающей в себе то общее, что есть в богоустремленности данной семьи культур и народов.

Российские Национал-Максималисты убеждены, что Православная Вера, Русская Культура и Русский Народ — являются определяющими бытие Союза Народов Государства Российского.“

Я думаю, что едва-ли общая линия этих утверждений будет враждебно воспринята евразийской средой. Но вопрос о „духовном стержне“ Российского Национал-Максимализма был-бы поставлен ущебно, если-бы я не коснулся другого, связанного с предыдущим,

вопроса — вопроса об отношении к исторически уже явленной индивидуации мессианского задания — к мессианству иудаистическому.

Теперь нередко приходится слышать, что „разговоры о российском мессианском призвании“ — только запоздалые перепевы „израильских хилиастических мелодий“; что российское мессианство — некий современный „вариант“ мессианства древне-еврейского (Штейнберг) и т. д. и т. д. Рядом с этими мнениями приходится также остановиться на чудовищном утверждении Мережковского: „христианство и иудаизм — одно неразрывное целое“.

Все эти суждения, конечно, глубоко ошибочны.

Для христианина — мессианизм есть духовная магистраль всей мировой истории; в этом смысле мессианство извечно задано всему человечеству: мессианизм русский и мессианизм израильский суть две различные проекции (в разные эпохи и на разные религиозные сознания) одной и той-же высшей духовной заданности. Их различный характер объясняется также и различностью конкретного задания: до прихода Спасителя — и после; „почти-материального“ этапа — воплощения — и „почти-духовного“ — начинающегося с несения Учения в мир.

Иудаистический мессианизм всегда был прежде всего эгоцентричен: он воспринимался не как подвиг служения ближнему, не как богопосланничество миру — а как богоизбранность; не как долг, — а как право. Иудаистическая концепция всегда была также в известном смысле матерьяльна: она была ожиданием хоть и обещанного Богом — но царя земного, освободителя „народа Божия“ и покорителя всех супостатов. Это в известной мере и естественно — нельзя забывать, что Израильский народ осуществлял лишь преддверие мирового задания — первый, так сказать, „материальный“ этап мессианства: приведение Мессии в мир. Но осуществив „данность“, Израиль оказался не на высоте „заданности“: духовное учение Христа оказалось ему не по-плечу; духовное задание мессианизма ждет еще своего осуществления.

Иудаизм оказался неспособным подняться в высший план — и остался в плане матерьяльном; но осталась также веками нарастающая миссианская инерция.

Характеризующая современное еврейство среда, средоточие динамики нации, оторванная от высшего духовного источника, — бессознательно завершила цикл, переключив свою устремленность из плана матерьяльного в — план матерьялистический.

Накопленная и не нашедшая своего естественного разряда инерция — разлилась по поверхности земли; ее завоевания (особенно в Европе и Америке) — громады: современный матерьялизм — который метафизически может быть определен как искажение не съумевшего оторваться от земли иудаистического мессианизма — заразил целые народы и особенно заостренно, как в фокусе, проявился в двух крайних гнойниках современности: Коминтерне и Кап-интерне.

Можно утверждать, что так называемый „западный матерьялизм“ есть в том-же смысле ни что иное, как одна из форм духовной иудаизации Запада; ибо матерьялизм не есть „географическое свойство Запада“ — было время, когда и на Западе горел светоч подлинного Христианства.

Наша эпоха проходит под знаком столкновения двух миссианизмов — христианского и иудаистического (еще не мессианизма и уже не мессианизма). Это столкновение индивидуализируется в форме столкновения двух мирозерцаний: духовного и материалистического. Наконец, совершенно конкретно, оно сужается в России до формы противостояния двух начал: российского и еврейского.

Не следует упрощать установку, обвиняя Р. Н. М-тов в погромном антисемитизме. Они отнюдь не склонны ставить проблему, как проблему расовую — признавая, что большинство наших современных „западников“ (числящихся христианами), в действительности духовно иудаизировано — и много Евреев являют собою пример большой духовной (а часто и христианской) настроенности. Проблема ставится как проблема духовная — и подлежащая разрешению на основе христианской справедливости.

Только что кратко изложенный строй идей, переводящий центр всей современной проблематики в план духовный — и является для Российских Национал-Максималистов определяющим тот „комплекс“, который, как они думают, является общим, как для них, так и для Евразийцев.

VII

Мне кажется, что в вопросе оценки роли тех или иных духовных процессов на этом наши „разногласия“ кончаются. В следующем очерке мне придется коснуться некоторых идеологических и программных несовпадений — в частности, в осуществлении вопроса об идеократии (которую мы разумеем в иных, нежели Евразийство, формах), вопросе о свободе, об Иране и Туране, о некоторой нашей „над-конфессиональности“ и пр. и пр.

Находящийся в печати сборник статей Российских Национал-Максималистов и сочувствующих им, при своем выходе в свет (надеюсь, скором) разрешит, вероятно, многие сомнения. Однако, одно только обвинение мне хочется отвести сразу-же — ибо оно почти напрашивается для каждого, мало с нами знакомого, читателя (мне пришлось поневоле сосредоточиться на определенной категории вопросов): это обвинение в „спиритуализме“, в оторванности от земли.

Мы, Р. Н. М-ты, предельно ощущаем величайшее единство мира — отмечая только и всячески подчеркивая первичность духовного начала. Мы можем сказать о себе словами передовой „Евразийского Временника“ (книга III, стр. 7—8): „важнейшими задачами современности считаем мы: с одной стороны пронизывание эмпирии духовной сущностью, с другой — воплощение веры в конкретно-жизненное... деланье“... „силы нужно накапливать на смычке духовного и телесного, отвлеченного и конкретного, — чтобы строить духовную жизнь, прикасающуюся с конкретным, и осуществлять эмпирические достижения, просветленные духом“.

Наша коренная утвержденность в „духовном плане“ и позволяет нам быть крайними реалистами в программе и не бояться широчайших тактических охватов („национал-большевизм“).

Мы чрезвычайно остро чувствуем гигантскую мощь и размах происходящих в России социальных сдвигов и оформлений. В них мы видим ряд существеннейших симптомов напряженного (пока еще „в слепую“) стремления новых, выдвинутых революцией, активных слоев, — как-то преодолеть коммунизм (освоив, при этом, выдвинутую им про-

блематику) — и идти дальше, к извечно влекущей к себе Россию — вселенской, всечеловеческой правде.*)

Первым шагом на этом пути не может не явиться выход за пределы плоской, двухмерной марксистской доктрины — в трехмерность: сначала в форме признания роли идейного (а, следовательно, и духовного) начала в истории, затем — в форме утверждения примата духовного начала для всякой истинной идеологии.

Из изложенного ясно, что мы не склонны отводить в сторону вопросы, связанные с процессами политическими и социальными. Наоборот, — поскольку Российские Национал-Максималисты являются организацией политической — они всю свою действенность сосредоточивают именно на секторе социально-политическом.

Но об этом — в следующем сборнике.

Юрий Ширинский Шихматов

*) См. напр. несколько уже теперь устаревшую брошюру: Л. Б. Национал-Максимализм и Национал-большевизм. Изд. Ницкого Кружка Политического Самообразования. 1927.